

Образ Тараса Шевченко и его «Кобзарь» в польскоязычном культурном пространстве между Киевом и Вильно до начала восстания 1863–1864 гг.

Abstract:

Labyntsev Yu.A. *Figure of Taras Shevchenko and his book "Kobzar" ("The bard") in the Polish-speaking cultural space between Kiev and Vilna until the rebellion of 1863–1864.*

The article considers, how the Poles, who in the 1840s–1860s were living on the vast territories of the contemporary Ukraine, Belarus and Lithuania, viewed Taras Shevchenko (1814–1861) and his poetic heritage. The conclusion is made that these views reflected certain political interests, which Ivan Franko described as a desire to see Ukraine as “an integral part of Poland”.

Ключевые слова: Украина, украинская литература, Тарас Шевченко, Польша, польская культура, польское восстание 1863–1864 гг., Белоруссия, белорусская культура, Литва, литовская культура.

Ровно сто лет назад в Варшаве вышла из печати небольшая книжка польского литератора Чеслава Янковского «Naród polski i jego ojczyzna»¹, сразу же вызвавшая негодование «3/4 польской общественности»², ибо в ней автор поднимал важнейший вопрос о реальных границах польского мира. Стоит ли говорить, что вопрос этот, особенно если вести речь о границах культурных, является весьма острым и спорным по сей день, а давняя «идеология» Ч. Янковского, «уменьшителя родины», все также считается по сути национальным предательством³. В наши дни разговор собственно о польском культурном пространстве становится еще более актуальным в связи с появлением на политической карте и развитием новых независимых государств, таких как Украина, Белоруссия и Литва, на территориях которых польский язык и культура столетиями были широко распространены, где родились Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий.

Можно сказать, что возникшее в позапрошлом веке своеобразное видение этих территорий в качестве особых польских «восточных окраин» («kresów wschodnich») ныне превратилось в своего рода устойчивый идейно-философский и политический миф, о котором пишутся многочисленные ученые трактаты. Впрочем, саму эту мифологию вслед за Д. Бовуа, можно именовать «колониальной»⁴. По его мнению: «Эта мифология сугубо помещичья: картина деревенской жизни в усадьбе, раскинувшейся среди хлебных нив, жизни в гармонии с простым, зажиточным и спокойным крестьянством. В то же время основательный анализ архивных документов позволяет

сделать вывод, что ситуация была далека от гармонии. В глазах украинцев слово “поляк” ведь еще недавно было аналогично слову “пан”. Польские землевладельцы рассматривали те земли точно так же, как французы Мартинику – колониально. Получали барыши, не позволяя им самостоятельно развиваться»⁵. Современная Польша подобный взгляд на «восточные окраины» практически не приемлет, потому еще сложнее исследовать и адекватно описать то давнее польскоязычное пространство белорусско-украинско-литовских земель⁶, где первые сведения о Тарасе Шевченко (1814–1861) появились уже в начале 1840-х годов.

Их автором был уроженец Виленщины Ромуальд Друцкий-Подберезский (1813–1856), которого сейчас именуют одновременно белорусским и польским литератором, писавшим в основном на польском языке. Личное знакомство бедного шляхтича Подберезского с Шевченко давало первому возможность непосредственно оценить литературный и художественный талант недавно выкупленного крепостного⁷. «Известный в русской и малорусской литературе господин Тарас Шевченко, а на Украине под именем Кобзаря или народного поэта, автор поэмы “Гайдамаки”, “Тризна” и национальной исторической песни о рыцаре Гамалие, а также как художник, обучающийся в здешней Академии художеств, выделяющийся своим творческим талантом в представлении изображений малороссийского народа, предпринял публикацию целого собрания гравюр, относящихся к истории, представляющих обычаи и живописные виды природы стороны, известной в истории под общим названием Малороссии»⁸. «Сторона эта, – продолжает Подберезский, – занимающая столь важное место в польской истории, не может быть не интересна нашей общественности. Интерес этот удваивается в настоящий момент, когда один из добропорядочнейших наших писателей, господин Михаил Грабовский, занимается составлением на ученом уровне обширного и неизмеримо важного (судя по накопленным материалам, которые мы имели возможность несколько месяцев назад видеть в Александровке⁹) произведения под названием: “Украина давняя и современная”. Это единство замысла у гениального писателя и талантливой художника-поэта обещает необычайно важную в своих результатах целостность для истории страны, судьба которой до сих пор ни в польской, ни в русской истории достаточно не освещена»¹⁰. Как видим, Подберезский не только делает несколько весьма важных акцентов для понимания нами того историко-культурного контекста, в который он вписывает личность Шевченко, но и обозначает некую возможную политическую спорность «стороны, известной в истории под общим названием Малороссии».

Несколько иное видение ситуации было у Антония Марцинковского (1823–1880), шляхтича средней руки, родившегося и прожившего всю жизнь под Киевом. Ученик по Киевскому университету знаменитого профессора Михаила Максимовича, с раннего детства оказавшийся в тесном окружении

украинского крестьянства, он прекрасно знал его язык, всю свою жизнь собирал местный фольклор, написал ряд украиноведческих исследований, среди них двухтомный труд «Lud ukraiński»¹¹, имевшийся и в личной библиотеке Тараса Шевченко, которого Марцинковский мог непосредственно знать. Примечательно, что первой печатной работой Марцинковского стала блестяще написанная отповедь-откровение в защиту нарождавшейся новой украинской литературы и ее творцов¹². Двадцатилетний автор этой отповеди, о котором до сих пор польские исследователи писали только как о литературном критике¹³ и притом очень немног¹⁴, на самом деле оказывается сейчас куда более заметным украиноведом¹⁵, необычайно горячо поддержавшим в польскоязычном культурном пространстве права и жизнеспособность украинского слова, всей украинской культуры. Более того, в начале 1840-х годов юный Марцинковский выступил против целого, правда достаточно противоречивого направления в польской литературе XIX столетия – так наз. «украинской школы».

Примечательно, что эта первая публикация Марцинковского была помещена его близким знакомым Бенедиктом Доленгой (псевдоним Якуба Юркевича) в «Tygodnik Petersburski» – главный печатный орган группы польских писателей, среди которых одно из центральных мест занимал упомянутый выше М. Грабовский¹⁶. В том числе и на него со всей своей молодой силой обрушился Марцинковский в отстаивании прав новой украинской литературы. Очень серьезной критике подвергает Марцинковский «украинские» произведения своего земляка Тимка Падуры, «пишущего на языке самим» им искусственно созданном, ибо «таким языком не говорит ни одно руское племя». По сути, «это не более чем пародия польского языка», которую именуют «польско-русским наречием». «Ничтожные сочинения» Падуры «никакого отношения к Украине не имеют», они совершенно искусственны. В то же время проблема живого украинского языка вполне очевидна. Он существует и именуется «южно-русским, или так называемым украинским, или малороссийским», а утверждение о том, «что люд украинский не имеет и иметь не может родной своей литературы» безосновательно.

Марцинковский приводит лапидарную схему развития украинского языка и литературы, начиная с раннего Средневековья. «Появление украинского языка относится без сомнения к середине XI в., возник он, как можно понять, из языка общего для всех народов восточного славянства, который после изобретения кирилловского алфавита стал книжным и богослужебным в той части славянской земли, где распространилась христианская вера греческого обряда». Поэзия, по мнению Марцинковского, определяет «главный характер украинского народа», «заполняет весь быт украинца». «Мы видим, что народ украинский в высшей степени является поэтичным; чувствуем, что его думы, веками сохраняемые в памяти народа, будут вновь жить веками, если своими бардами будут вписаны в книги». Украинский язык

способен стать и уже стал языком новой литературы. Она существует, и «писатели должны только развивать ее далее». Представители польскоязычной стороны разбирают псевдоукраинские сочинения таких литераторов как Т. Падура, но ничего не говорят «о Шевченко, Тополе, Кулише, Основьяненко, Гребенке и многих других, произведения которых могут занять достойное место в любой литературе». Эти свои взгляды, особенно в части отношения к простонародной культуре и ее поистине общеславянской ценности, Марцинковский продолжал сохранять до конца своих дней, но столь же пылкое выступление в защиту новой украинской литературы и ее основоположников, прежде всего Шевченко, появится в польскоязычной среде еще не скоро.

Сделает это почти два десятилетия спустя сын мелкого шляхтича и украинской крестьянки с Подолья Леонард Совиньский (1831–1887), многолетний студент Киевского университета, находившийся в тесных контактах с так наз. «хлопоманами»*, в том числе со знаменитым впоследствии профессором Владимиром Антоновичем. Будучи довольно жестким критиком жизни польской шляхты на украинских землях, ее колонизаторского обращения со своими крепостными, Совиньский тем не менее выступал за широкое введение польского языка в школьное образование, присоединение Подолья к Королевству Польскому и одновременно стал одним из первых глашатаев славы Тараса Шевченко в польской среде, а также умелым переводчиком его произведений и исследователем жизни и творчества. В 1860 г. в «Виленском курьере» («*Kurierze Wileńskim*»), с которым он тесно сотрудничал в течение последующих нескольких лет, публикуется обширный его очерк «Исследования современной украинской литературы»¹⁷, в котором творчеству Шевченко уделяется надлежащее место. «Литературу побратимного русинского рода», душа которого вошла когда-то «в польский исторический организм» мы с необоснованным равнодушием отвергаем, констатирует в начале очерка Л. Совиньский. «Лет пятнадцать уже такие деятели как Кулиш, Костомаров, Шевченко работают на ниве нашей исторической сокровищницы, но до сих пор не подано им дружеской руки». Вместе с тем, желательно, «чтобы украинские писатели с такой же беспристрастностью осудили» негативные моменты нашей общей истории, ибо «была между нами распря религиозная, социальная, а может и национальная».

Очерк Совиньского стал своеобразным введением историко-культурного характера к планировавшейся им серии литературоведческих портретов отдельных украинских писателей и анализу «известных произведений украинской литературы»¹⁸. Замысел этот ему удалось осуществить лишь в отношении Тараса Шевченко, мысли о котором не оставляли Со-

* «Хлопоманы» – народническое движение украинской интеллигенции на Правобережной Украине середины XIX в.

виньского всю жизнь. Весьма примечательны первые слова из его книги «Тарас Шевченко: исследование... с приложением перевода “Тайдамаков”»¹⁹, вышедшей из печати всего лишь через несколько месяцев после публикации очерка-введения. «Присмотримся, панове, – восклицает Совиньский, – к отверженному крестьянскому образу: как прекрасен он в простой сермяге, как выразителен в наивной своей дикости! Душа Тараса – это душа крестьянского простонародья, наполненная убеждением правды и беззакония, растравленная страстной мольбой...». До сих пор мы слышали лишь тех, кто, поймав «народную ноту», слыл «за украинских поэтов», давайте же теперь «послушаем настоящего украинского кобзаря». Вот «несколько характерных черт духовного обличия» его:

- «1) Пламенная любовь к сельскому простонародью;
- 2) Ненависть и презрение ко всякому насилию;
- 3) Страстное сочувствие к испытывающим боль и унижение;
- 4) Склонность к простонародному фатализму, с умалением Провидения и воли;
- 5) Чувство собственной правоты и искреннее проникновение социальной идеей, узнанной за совершенно справедливую и святую»²⁰. Последнее, по мысли Совиньского, ничто иное как суть проявления понимания «так называемой украинской доли», что выразительнейшим образом отозвалось в стихах Тараса Шевченко. Впрочем, «сельский люд не имеет истории», но оттого для нас еще ценнее песни «украинского лирика» Шевченко, а «великий народный поэт обязан быть христианином»²¹.

К дальнейшим большим работам, связанным с литературным наследием «знаменитого украинского поэта Тараса Шевченко», Л. Совиньский вернется только в конце 1860-х годов²², после своей высылки в центральную Россию за поддержку и распространение предложения, непосредственно представленного императору Александру II, об административном присоединении Подольской губернии к Королевству Польскому. Эта высылка, которую известный украинский славист Г.Д. Вервес считал наказанием «за патриотическую деятельность»²³, спасла Совиньского от возможных серьезных репрессий в период польского восстания 1863–1864 гг., участия в котором он не принимал. Впрочем, это была уже совсем иная эпоха, отсчет которой обозначило само польское восстание и его последствия, в том числе с распространившимся в шляхетской среде интересе к бывшим крепостным, не поддержавшим своих панов. Причины последнего блестяще раскрыл значительно позднее и сам Совиньский, достаточно сослаться на его драму «На Украине»²⁴ или повесть «На распутье»²⁵.

В последний год предмятежного периода в Киеве выходит в свет первый том «Переводов малороссийских писателей» Антония Гожалчиньского, целиком посвященный Тарасу Шевченко²⁶. Практически сразу же на это издание, напечатанное в университетской типографии, в газете «Киев-

ский телеграф» появился отклик, в котором оно было положительно охарактеризовано²⁷, а переводы названы весьма удачными, содержащими «в себе прелесть украинской народной поэзии»²⁸. Издание это готовилось недавним киевским студентом в год смерти Тараса Шевченко, 1861-й, и потому отображало в своем содержании активизацию восприятия наследия поэта в кругу наиболее близкой к зарождавшемуся украинскому движению польскоязычной среды. «Несколько цветов, сорванных с могилы украинского пророка, – писал А. Гожалчиньский, – пересадим на родимую ниву», «поставим украинского поэта в свете исторической правды и эстетических представлений перед судом побратимов»²⁹. При этом Гожалчиньский сразу же обрушивается с резкой критикой на Совиньского, обвиняя его в явной несвоевременности перевода на польский язык такого произведения Шевченко как «Гайдамаки», воскрешавшего картины кровавой резни в период колиивщины*. И это, как утверждает Гожалчиньский, не только его личное мнение, но и общественности, повторяющей, что «перевод “Гайдамаков” не ко времени». А судить именно так заставляет обстановка и «совесть народа, к которому мы принадлежим, обязывает независимое положение, какое мы занимаем в отношении русинского края».

Дабы написать вступительный очерк к своему изданию, Гожалчиньский старался «собрать и прочитав все, что только вышло из-под пера Шевченко, просмотреть суждения, какие о нем сделали критики», «послушать высказывания о нем своих земляков». «Национальный поэт, – подводит итог Гожалчиньский, – выразитель массы», его лира – из миллионов струн народных чувств, поэт-пророк держит эту лиру и поет народу родную песнь, которую поймут все, и она зажжет их сердца. «Шевченко был таким поэтом», «впитавшим в душу с молоком матери ненависть к панам»³⁰. Тем не менее, «он не был глашатаем мести», произведения «Шевченко на века останутся чудесным цветком из степи и деревенской хаты, в будущем весь мир почтит мужика-поэта». После его кончины скорбела вся Украина, плакал весь народ. Это был человек правды, «человек-христианин», учивший не ненависти и мести, а любви. «Шевченко любил свой народ любовью отца, народ также называет его отцом; он скорбел над недолей народа и указал ему высшую жизненную цель»³¹. Первостепенной заслугой Шевченко «является воскрешение языка». «Выйдя из простого народа, поднявшись по образованию над ним, не утратил он ни любви к нему, ни сопереживания». «Засеял поле, с которого соберется богатый урожай народного просвещения» и остался в памяти потомков как глашатай правды. И для иных народов «Шевченко также замечательный поэт», его мелодии и мысли близки многим. Не пора ли и Вам панове, «что находитесь ближе всего к народу, пророком которого был Шевченко», отдать им должное. «Бросьте и Вы не-

* Колиивщина – гайдамацкое восстание на Правобережной Украине в 1768 г.

много земли на его могилу, вложите кирпичик на надмогильный памятник во имя великого слова любви и братства». Своей книгой переводов сочинений «национального поэта Украины я плачу и провинный долг моего народа», ибо «кто не умеет уважать и чтить чужой народ, не чтит и свой и является наихудшим деспотом, деспотом мысли!»³².

Принадлежа к молодой части киевского польского общества, Гожалчиньский, как он сам подчеркивал, писал о Шевченко и переводил его стихи «в моменте», который непосредственно предшествовал восстанию 1863–1864 годов и значительному брожению в самом этом польском обществе, из которого тогда же со значительным общественным шумом выделилась группа «хлопоманов». Гожалчиньский не принадлежал к их числу, но его позиция дает возможность представить тот разбег местной польской мысли по отношению к украинскому населению, о которой, как и о самих ее выразителях, известно мало³³. Между тем, сообщений о Шевченко и переводах его произведений, особенно сразу же после смерти поэта, в польской печати Российской империи и зарубежья тогда появляется все больше и больше. Правда, они по объему и содержанию не столь значительны, часто носят характер короткой справки или упоминания, но и в самых небольших из них его все чаще именуют «известным малороссийским поэтом Шевченко»³⁴.

Сложилось так, что переводы Гожалчиньского, высоко оцененные его современниками-поляками³⁵, ныне, как впрочем, правда в меньшей степени, и переводы Совиньского, почти забыты и известны в основном в узком кругу специалистов-литературоведов, считающих, что переводы эти имеют «незначительную художественную ценность»³⁶. Иное дело перевод «Кобзаря», выполненный в конце 1850-х – начале 1861 г. известным поэтом Людвигом Кондратовичем, писавшим под псевдонимом Владислав Сырокомля (1823–1862). Его не без основания считают не только польским, но и белорусским литератором³⁷, в польском языке которого исследователи отметили огромное количество белорусизмов³⁸. Перевод Сырокомли оказался куда более востребованным читателями. И даже совсем недавно, 9 марта 2014 г., на праздновании 200-летнего юбилея Тараса Шевченко в Киеве, польский посол Г. Литвин прочитал отрывок из его «Kobzarza» – «Dumku» («Rzeka ciągle choć powoli...»), носящую в украинском оригинале название «Думка» («Тече вода в сине море...»).

Тяжелые жизненные обстоятельства не позволили Сырокомле сразу же опубликовать свой перевод «Кобзаря» – он вышел из печати уже после кончины переводчика в самом конце декабря 1862 г., датирован 1863-м г.³⁹, и тогда же, в январе 1863 г., появился в книжных магазинах Российской империи, включая Варшаву⁴⁰. Хорошо знавший обстоятельства работы Сырокомли над переводом, а это мог быть его секретарь Викентий Коротынский, в первой половине марта того же 1863 г. сообщал из Вильно: «"Кобзарь" Тараса Шевченко, переведенный с малороссийского Владиславом Сыроком-

лей, является последним изданием его произведений в прошлом году и датирован уже текущим годом. Этот перевод Сырокомля завершил еще в 1859 г., однако текст пролежал у издателя в рукописи, что, между прочим, является исключительным явлением в истории творчества поэта, сочинения которого буквально вырывали из его рук еще перед их завершением... С публикацией этой книги почти все произведения гениального поэта украинского народа имеются в польском переводе, а не печатавшиеся и может быть великолепнейшие, ждут своего издания в оригинале... Отображение его произведений на польском языке досталось двум знаменитым мастерам нашего слова; Кондратович в «Кобзаре» показал то, что в украинском поэте следует любить; Леонард Совиньский в «Гайдамаках» представил иную, черную сторону. Книга Кондратовича естественно для нас милейшая... Однако из этого еще не следует в целом осуждение издания пана Совиньского, как о том писано и переписано в Варшаве»⁴¹.

Даже в обстоятельных работах, посвященных Сырокомле, принадлежащих и его современникам⁴², и нынешним исследователям⁴³, о переводе «Кобзаря» практически ничего не говорится. Показательна в данной связи обширная биография Сырокомли, законченная 3 января 1862 г. в Варшаве, то есть через два месяца после его кончины, известнейшим польским писателем Ю.А. Крашевским, очень долго близко знавшим поэта⁴⁴. В этой биографии Крашевский сообщает буквально следующее: «Перевод “Кобзаря” Шевченко должен был быть отдан издателю» виленскому А. Ассу⁴⁵. Никаких сведений об обстоятельствах работы над переводом «Кобзаря» Сырокомлей не находим мы и в документах его разрозненного личного архива, основная часть которого сберегается ныне в хранилищах Вильнюса⁴⁶. И хотя по собственным словам Сырокомли, «за состав наших собраний нам нечего стыдиться пред миром»⁴⁷, его личный архив, увы, сохранился далеко не полностью, не сбереглись и рукописи переводов «Кобзаря». Приходится восстанавливать обстоятельства работы над этим переводом Сырокомли, ориентируясь на некоторые указания его секретаря и белорусского земляка Викентия Коротынского, писавшего, что «настоящий перевод большей части напечатанных произведений знаменитого, хотя зачастую слишком пристрастного поэта украинского народа, Кондратович сделал в основном во время своего пребывания в Борейковщине в 1861 г.»⁴⁸. В конце напечатанного текста самого перевода в издательской редакции 1872 г., также принадлежащей В. Коротынскому, дата и место перевода указаны следующим образом: «1860–1861. Борейковщина и Вильно» («1860–1861. Borejkowszczyzna i Wilno») ⁴⁹. В то же время в предисловии к переводу «Кобзаря» сам Сырокомля пишет о Шевченко, скончавшемся по старому стилю 26 февраля 1861 г., как о живом. Все это дает основание предположить, что стихи Шевченко Сырокомля начал переводить уже по крайней мере с конца 1850-х годов. Знакомы же они ему были, видимо, с давних времен, и его,

«сельского лирика», широко известного в польскоязычном мире, верного друга тех, кто первым открывал этому миру Шевченко, например, А. Марцинковского⁵⁰, весьма интересовала судьба украинского кобзаря, выходца из деревенского простонародья, которому свою жизнь во многом посвятил и сам Кондратович.

Вот почему столь важны его слова о Шевченко, приведенные в предисловии к переводу «Кобзаря»: «Тарас Шевченко, живой поэт, известный примечательными поворотами своей судьбы, он заслуживает признания ему звания главного ныне певца Украины. Чувствуя, что еще рано писать исследования о судьбе и произведениях живого автора, мы перевели без каких либо комментариев его “Кобзарь”, собрание думок и поэм, отличающихся живостью, силой, глубоким знанием и любовью к простому народу. Украинская поэзия, которая начала новую нашу эру, не может быть нам безразлична»⁵¹. В этом кратком предисловии Сырокомли, почти формуле, заключено его понимание сложной ситуации в польском обществе накануне грозных событий 1860-х годов, его предчувствие неизбежной исторической трагедии польской шляхты, стоящей на многих перепутьях, в том числе и по отношению к своим угнетенным крепостным, родным языком которых был не польский. В каком-то смысле сам Сырокомля оказывается в данной связи своеобразным поэтом польско-восточнославянского культурного пограничья, знающим простой крепостной люд, всячески сочувствующим ему, пишущим о нем, оставаясь при этом в польском шляхетском кругу.

Высокая оценка художественных достоинств перевода «Кобзаря» Сырокомлей, данная еще современниками⁵², с некоторыми коррективами подтверждается и последующими поколениями литературоведов⁵³. При этом стоит всегда помнить, что так же, как и Шевченко, Сырокомля воспринимался земляками-современниками не только лишь как поэт, но и виделся пророком, ведущим их в будущее. Его утрата, так же как и кончина Шевченко для украинцев, рассматривалась в его родной польскоязычной литературной среде как национальная трагедия: «Братья Соплеменники! Темно, темно и понуро на горизонте неба нашего народа, погасло солнце... Нет сегодня у нас в Литве национальных гениев, остаются только лишь таланты»⁵⁴. И случилось это за три месяца до начала польского восстания, накануне которого и угас «в Литве... жаворонок Виленский – Владислав Сырокомля»⁵⁵, блестящий переводчик «Кобзаря».

Поражение в восстании, которое в целом никоим образом не было поддержано местным крестьянством, украинским, белорусским, литовским, да и польским, что позднее признали его руководители («при равнодушии крестьян гибель восстания была неминуема»⁵⁶), непосредственно отразилось и на характере интереса в польском обществе, как в границах Российской империи, так и вне их, к личности и литературному наследию Тараса Шевченко. Правда, в основном оно ничего и не слышало о Шевченко, лишь ка-

кой-то малой части польского общества имя это в той или иной степени было известно. Для одних представителей этой малой части Шевченко становится еще более значимым глашатаем воскрешения кровавых событий коливищины, для других – справедливым борцом за народное освобождение, прежде всего из крепостного состояния, третьи пытаются сделать его возможным союзником в борьбе против России. К последним, например, можно отнести Павлина Свенцицкого (1841–1876), весьма близкого к кругу киевских «хлопоманов»⁵⁷, в большинстве своем не только не сочувствовавших восстанию, но и резко выступивших против него. Свенцицкий напротив, в восстании участвовал, бежал в Австрийскую империю, осев во Львове. Здесь он издавал журнал «Село» («Siolo»), в котором в духе польского эмигрантского антироссийского сообщества во главе с Ф. Духиньским⁵⁸ пытался проповедовать своеобразное небескорыстное украинофильство с привлечением имени Шевченко, чьи произведения печатались здесь в оригинале не кириллицей, а латиницей, предлагаемой в издании как замена кириллицы⁵⁹, дабы упростить сближение «русинов» с поляками. А это, в конце концов, приведет к тому, что в восточной части Европы между Россией и «Западом встанет непреодолимая стена – славянская Украина-Русь»⁶⁰. С журналом Свенцицкого сотрудничал и такой давний корифей польской литературы как Юзеф Богдан Залесский (1802–1886), уроженец Киевищины, участник восстания 1830–1831 гг., заочно лично знавший Тараса Шевченко, посвятивший ему, находясь в эмиграции, несколько произведений политического содержания и даже подаривший томик своих стихов. Один из ближайших друзей Адама Мицкевича, превозносившего временами поэтический талант Залесского выше своего собственного⁶¹, Юзеф Богдан с редким пафосом вешал «о вечном с ляхами» мире украинцев. О нем, об этом ином мире, «из могилы сегодня» должен пророчествовать Шевченко, ведь когда тебя «лях дарил братской слезой и объятьем, Москаль истязал твою душу»⁶². «Siolo» мгновенно отозвалось на эти стихи, опубликованные в сборнике Залесского «Вещая оратория» («Wieszczce oratorium»), и даже целиком перепечатило их в восторженной рецензии⁶³.

Конечно же, в СССР и странах социалистического лагеря при рассмотрении отношения Ю.Б. Залесского к Шевченко наличия явных антироссийских акцентов старались избегать⁶⁴, что вело к прямым фальсификациям. Не упоминалось также и о характере особого политического интереса тогдашнего польского общества к украинскому поэту и его наследию, переданного и последующим поколениям поляков⁶⁵. Впрочем, уже в XIX в. все это прояснили сами украинцы, не таясь объявили в 1862 г. в пламенной исповеди В. Антоновича⁶⁶, а в 1886 г. в критическом эссе Ивана Франко «Юзеф Богдан Залеский»⁶⁷. Анализ жизненных реалий в отношении Залесского и его польских сподвижников, сделанный Франко, беспощаден: «начал свою высшую карьеру аплодисментами восстания 1831 года, в которой

даже принимал деятельное участие; а закончил свою карьеру плачем по неудачном восстании 1863– [18]64 г. Когда Украина в его песнях, та буйная, широкая, казацкая, с рыцарскими и искренне приверженными польскому панству Сагайдачными, с Ляхами Сердечными и т.п. или с романтическими Косинскими, Мазепами и Золотаренками, была только рефлексом шляхетских буйных мечтаний в неотрывной принадлежности той Украины к Польше, была поэтическим выражением той самой борьбы, которая подвигла польскую молодежь в Варшаве д[ня] 29 ноября 1830 г. к восстанию и выразилась многочисленными постановлениями демократических варшавских клубов, а в конце и военным походом генерала Домбровского, который “не мог представить существования Польши без Волыни, Подолья и Украины”. Через 30 лет образ песенной Украины уж очень-очень полинял; на фоне ее степей показываются уже такие темные пятна, как “Trzeci szturm do Stawiszcz” (1656) ославленного “поганого Степана” Чарнецкого, который, по словам одного польского историка (Antoniego J.), сильнее разрушил Украину, чем Батый и все Гиреи, вместе взятые, – показывается над далеким Днепром новая “преславная могила Тарасова” (“przesławna mogiła Tarasowa”) – прорицательница новой эпохи в жизни Украины. А все-таки основная тенденция песен Залесского остается одинакова: Украина для Польши!... Вот эти две струны: бог, а скорее католическая мистика, и Украина, а скорее ее неотрывная принадлежность к Польше – были той живой силой, открытой в кристальном слове Богдана Залесского и побуждающей долгое время польскую общественность к известным движениям... Католическая мистика, которая вырождается под влиянием разбитых мечтаний о возрождении Польши в г. 1831, и политическая мистика, которая хочет в Украине видеть фундамент исторической Польши и таким способом является продолжением шляхетских традиций еще со времени Люблинской унии, – это те самые силы, которыми Залесский возбуждал польскую общественность. Были ли это живые силы украинской почвы? Нет. Сама Украина, украинский народ в его мировоззрении не были чем-то самостоятельным, живым, свободным; они должны были сойти за простую, красиво оформленную декорацию. Тщательно исключая из украинской традиции все, что напоминало такую самовластную, самостоятельную, протестующую Украину, Залесский должен был прийти до создания Украины фиктивной, нарисованной... “Украинская школа” в какой-нибудь чужой литературе теперь уже невозможна; “украинская школа” в польской литературе по своим ведущим мыслям была и осталась скорее чуждой украинскому народу»⁶⁸.

Примечания

- ¹ Jankowski Cz. *Naród polski i jego ojczyzna*. Warszawa, 1914.
- ² Jankowski Cz. *Polska etnograficzna*. Warszawa, 1914. S. 4.
- ³ Abramowski E. *Pomniejszyciele ojczyzny* // *Kurier Warszawski*. Warszawa, 1914. 25 marca.
- ⁴ *Kresomania*: Z prof. Danielem Beauvois rozmawia Agnieszka Sabor // *Książki w Tygodniku*. 2006. 26 marca. S. 15.
- ⁵ *Ibidem*.
- ⁶ Необходимо заметить, что сделать это не удалось и самому Д. Бовуа, автору целого ряда фундаментальных исследований об истории этих земель. А с его констатацией о том, что «на польских кресах недоставало проникновения культур, диффузия была очень поверхностной», едва ли можно согласиться. Подобное возражение вызывает и его недавнее утверждение: «что до крестьян, то взаимодействия и проникновения культур практически не было» – См.: Спор о кресах: С профессором Даниэлем Бовуа беседует Мартин Войцеховский // *Новая Польша*. 2012. № 7–8. С. 32.
- ⁷ Podbereski R. *Kilka słów o pracach malarskich w Petersburskiej Akademii Sztuk oraz o Polskich Artystach tamże pracujących, w szczególności, z powodu rocznej wystawy w tejże Akademii* // *Tygodnik Petersburski*. 1842. № 36. S. 198–199.
- ⁸ Podbereski R. *Ukraina malownicza* // *Tygodnik Petersburski*. 1844. № 95. S. 569.
- ⁹ Михаил Грабовский (1804–1863) – один из виднейших представителей так наз. «украинской школы» в польской литературе, уроженец Волыни, в 1825–1850 гг. постоянно жил в селении Александровка (ныне районный центр Кировоградской области Украины).
- ¹⁰ Podbereski R. *Ukraina...* S. 569.
- ¹¹ Nowosielski A. [Marcinkowski A.] *Lud ukraiński, jego pieśni, bajki, podania, klechdy, zabobony, obrzędy, zwyczaje, przysłowia, zagadki, zamawiania, sekreta lekarskie, ubiory, tańce, gry i t.d.* T. 1–2. Wilno, 1857.
- ¹² Gryf A. [Marcinkowski A.] *List do Benedykta Dołęgi, z powodu artykułu w Tygodniku o Literaturze Wszech-Słowiańskiej* // *Tygodnik Petersburski*. 1843. № 89. S. 529–530.
- ¹³ Arcimowicz W. *Antoni Marcinkowski jako krytyk literacki*. Wilno, 1932.
- ¹⁴ Kwapiszewski M. *Od Alberta Gryfa do Antoniego Nowosielskiego: Biografia intelektualna różnorodnego krytyka* // *Polska krytyka literacka XIX wieku*. Toruń, 2005. S. 170–189.
- ¹⁵ Лабынцев Ю., Щавинская Л. *Польский украинист Антоний Марцинковский*. М., 2008.
- ¹⁶ Ingłot M. *Poglądy literackie koterii petersburskiej w latach 1841–1843*. Wrocław, 1961.
- ¹⁷ Sowiński L. *Studia nad ukraińską literaturą dziesiętą*. Wilno, 1860.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 66.
- ¹⁹ Sowiński L. *Taras Szewczenko. Studium przez Leonarda Sowińskiego, z dołączeniem przekładu Haidamaków*. Wilno, 1861.
- ²⁰ *Ibid.* S. III, XV–XVI.
- ²¹ *Ibid.* S. XLV–LVI.
- ²² *Najemnica z ukraińskiego Tarasa Szewczenki* przekład Leonarda Sowińskiego. Lwów, 1870.
- ²³ Вервес Г.Д. *Совинский Леонард* // *Шевченківський словник*. Т. 2. Київ, 1977. С. 227.
- ²⁴ [Sowiński L.] *Na Ukrainie*. Poznań, 1873.
- ²⁵ Sowiński L. *Na rozstajnych drogach*. Warszawa, 1886. T. 1–3.
- ²⁶ A.J. Gorzałczyńskiego *przekłady pisarzy małopolskich*. T. 1. *Taras Szewczenko (z portretem)*. Kijów, 1862.
- ²⁷ В. В. Сочинения Т. Шевченко в переводе на польский язык // *Киевский телеграф*. 1862. № 21. С. 85.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ A.J. Gorzałczyńskiego *przekłady...* S. I–II.
- ³⁰ *Ibid.* S. III.
- ³¹ *Ibid.* S. IX–XIII.

³² Ibid. S. XIV–XIX.

³³ К сожалению, подобных важных сведений не содержит и небольшая новейшая энциклопедическая статья о Гожалчинском, который по сути оправдал взгляд Шевченко в его «Гайдамаках», написанная Р. Харчук (См.: Харчук Р. Гожалчинський Антоній // Шевченківська енциклопедія. Т. 2. Київ, 2012. С. 243).

³⁴ Wiadomości z kraju i obczyzny // Gazeta Warszawska. 1861. № 76. S. 5.

³⁵ Молодой галицкий литератор Гвидо де Баттаглия писал в 1865 г.: «Переводчиком Тараса Шевченко, который наиболее удачно ввел в польскую литературу его произведения, является несомненно пан А. Гожалчинский... Гожалчинский понял Шевченко – и потому столь превосходным является его перевод» (См.: Battaglia G. Taras Szewczenko, życie i pisma jego. Lwów, 1865. S. 56).

³⁶ Urbanska D. Polskie przekłady poezji Szewczenki – zagadnienia wiersza // Тарас Шевченко і народна культура: Збірник праць Міжнародної (35-ї) наукової Шевченківської конференції. 20–22 квітня 2004 р. Кн. 2. Черкаси, 2004. С. 302.

³⁷ Мархель У. Уладзіслаў Сыракомля // Беларускія пісьменнікі: Біябібліяграфічны слоўнік. Т. 5. Мінск, 1995. С. 458–466.

³⁸ Trypućko J. Język Władysława Syrokomli (Ludwika Kondratowicza): przyczynek do dziejów polskiego języka literackiego w wieku XIX. T. 1–2. Uppsala, 1955–1957.

³⁹ Kobzarz Tarasa Szewczenki. Z małosyjskiego spolszczył Władysław Syrokomla. Wilno, 1863.

⁴⁰ Doniesienia // Kurier Warszawski. 1863. № 23. (17 stycznia). S. 128.

⁴¹ Korrespondencya Gazety Warszawskiej. Wilno, d. 12 marca 1863 r. // Gazeta Warszawska. 1863. № 72 (30 marca). S. 3–4.

⁴² Poezie ostatniej godziny Władysława Syrokomli (Ludwika Kondratowicza). Warszawa, 1862.

⁴³ Fornalczyk F. Hardy lirnik wioskowy: studium o Kondratowiczu – Syrokomli. Poznań, 1972; Мархель У.І. Творчасць Уладзіслава Сыракомлі. Мінск, 2005.

⁴⁴ Kraszewski J.I. Władysław Syrokomla (Ludwik Kondratowicz). Warszawa, 1863.

⁴⁵ Ibid. S. 210.

⁴⁶ См., напр.: Библиотека им. Врублевских АН Литвы. Отдел рукописей. Ф. 109 и другие.

⁴⁷ Библиотека им. Врублевских АН Литвы. Отдел рукописей. Ф. 109. Е. х. 1492.

⁴⁸ Kondratowicz L. (Władysław Syrokomla). Poezie. T. 10. Warszawa, 1872. S. 349.

⁴⁹ Ibid. S. 289.

⁵⁰ Nowosielski A. Pogadanki literackie // Gazeta Warszawska. 1855. № 107. S. 1–3.

⁵¹ Kobzarz Tarasa Szewczenki... S. [III].

⁵² Battaglia G. Taras Szewczenko... S. 56.

⁵³ Paczowski T. Władysław Syrokomla jako tłumacz Szewczenki // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Vol. XVIII, 6. Sectio F. Lublin, 1963. S. 149–166; Вервес Г.Д. Сирокомля Владислав // Шевченківський словник. Т. 2. Київ, 1977. С. 212–213.

⁵⁴ Библиотека им. Врублевских АН Литвы. Отдел рукописей. Ф. 18. Е. х. 244. Л. 2–2 об.

⁵⁵ Там же. Л. 3.

⁵⁶ Авейде О. Показания и Записки о польском восстании 1863 года. М., 1961. С. 620.

⁵⁷ Kozak S. Z polsko-ukraińskiego kulturowego pogranicza: Paulin Świącicki // Z polskich studiów slawistycznych. Seria X. Warszawa, 2003. S. 75–81; Серед О. Павлин Швенціцький у суспільному житті Галичини: до історії польського українофілства // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 15: Confraternitas. Юбілейний збірник на пошану Ярослава Ісаевича. Львів, 2006–2007. С. 475–486; Козак С. У колі хлопоманів – Павлин Швенціцький // Українсько-польські взаємини. Вип. 2. Київ, 2008. С. 30–37.

⁵⁸ Baudouin de Courtenay J. Z powodu jubileuszu profesora Duchńskiego. Kraków, 1886.

⁵⁹ (Т. М.) Z pod Lwowa // Siolo. Z. 1. 1866. S. 160–161.

⁶⁰ [Świącicki P.] Słowo wstępne // Siolo. Z. 1. 1866. S. IV.

⁶¹ A W [Alina Witkowska]. Zaleski Józef Bohdan // Rymkiewicz J. M., Siwicka D., Witkowska A., Zielińska M. Mickiewicz: encyklopedia. Warszawa, 2001. S. 610–612.

⁶² Zaleski B. Wieszcze oratorium. Paryż, 1865 / Poznań, 1866. S. 162–163.

⁶³ Siolo. Z. 1. 1866. S. 135–138.

⁶⁴ Гнатюк М.П. Залеський Юзеф Богдан // Шевченківський словник. Т. 1. Київ, 1976. С. 229.

⁶⁵ Rawita Gawroński F. Taras Szewczenko i polacy // Zdrój. 1918. № 3. S. 89–92.

⁶⁶ Антонович В. Моя исповедь // Основа. 1862. № 1. С. 83–96.

⁶⁷ Іван Франко. Зібрання творів: у 50 т. Т. 27. Київ, 1980. С. 23–32.

⁶⁸ Там же. С. 28–32.